

2 DBL E² 2114

2014

СП6Гу

14830

1848/114

СП6Г

СП6ГУ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шрифтом, подобно обыкновеннаго представлено были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Одесса,
Марта 28 дня 1860 года.

Ценсоръ В. Шахматовъ.

509
105

Изданіе Кіевскаго книгопродавца С. Н. Литова.

МЕДКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Більшість часу, більшість ночи, въ которые
полноста груди и головы думить, когда от-
кровенность необходима какъ воздухъ, когда
конецъ или начало долженъ бывасень отдать
тайны сердца и ума участно дружбы, сбро-
сить ихъ на вѣтеръ или на бумагу.

А. Марлинскій.

СП6ГУ

ДѢВИЧЬ-ГОРА.

СПЛОУ

СПбГУ

ДѢВИЧЬ - ГОРА.

Есть курганъ надъ Дибромъ,
Теремъ крепкій на немъ,
По угламъ элаповерхія башни;
Неподвиженъ и тихъ,
Летъ на ребрахъ крупныхъ,
И вокругъ ни жилища, ни пашни.

Но вечерней порой,
Межъ деревъ надъ рвкой,
Пробѣгаютъ какія-то пѣны,
То играютъ въ волнахъ,
На серебряныхъ челнахъ,
То качаютъ зеленяя сѣни.

И далеко окрестъ ,
При сіяніи звѣздъ ,
Раздаются волшебныи звуки ,
Про веселье одна
Гантвасеть струна ,
А друтал о горь разлуки . . .

И въ народѣ молва:
Тамъ цвѣтень сонъ-права ,
Это мѣсно ошъ вѣка заклиню ,
Тамъ подъ грудой костей ,
Схоронилъ чародѣй
Нажитое неправдою злато .

Но изъ княжихъ дружинъ
Богатырь не одинъ
Вызывался на смѣлое дѣло ,
Въ лѣсъ входилъ — и назадъ
Безъ главы и безъ лапъ
Осплывало Днѣпромъ его шѣло . . .

И никно, съ давнихъ поръ,
На священный боръ
Не возводишь безъ пренева взора,
Но за веру и честь
Выплъзъ въ Кіевъ есиъ,
Всей дружины любовь и опора!

Онъ прекрасенъ и юнъ,
Онъ касаетъ спрунъ,
Какъ пивецъ вдохновенный въ Эладѣ,
И святой монашърь
Посыпалъ богатърь,
Но крещенъе прицалъ въ Царъградъ.

Въ бинвахъ онъ впереди,
Крестъ златой на груди,
(Придаешъ онъ воишелю силу)
И средъ гибельныхъ свчъ,
Гдѣ блещешъ его мечъ,
Тамъ заранъ копейше могилу!

Много дѣвъ , много женъ ,
На лву и сквозь сонъ ,
Въ перемахъ о прекрасномъ поскуюшь ,
По почпо ихъ любовь ?
Боганырскую кровь
Только думы о славъ волнуешь !

Вошь глядишь , одинъ ,
На конь межъ спремшишь ,
Надъ рѣкою Дивиромъ онъ несется , —
Ниль лешишь онъ копышь ,
Дальний берегъ дрожшишь
По разсыпшамъ гуль раздаеши . . .

День блѣднѣль , день погасъ ,
Эпо вечера часъ ,
И куда жъ боганырь въ эту пору ?
Что до ночи ? до дня ?
Онъ шоропишь коня ,
Подъѣзжая къ волшебному бору .

Но не шуча ль къ нему,
Вся въ огонь и въ дыму,
Вылепашь со свиспомъ на встрѣчу?
Захрапѣлъ его конь,
Но безъ страха въ огонь,
И безъ пренепа всадникъ на съчу...

И разсыялся дымъ,
Исполниъ передъ нимъ,
Весь окованъ въ желѣзныя лапы —
Зазвѣла броня,
Конь, какъ вихрь, на коня —
И сшибающся разомъ булавы...

Равенъ бой, великанъ
Свирѣпѣеть ошъ ранъ,
Все сильнѣй и сильнѣй наираеть,
Вдругъ сіянье окрестъ —
Мѣсяць всходитъ — и крестъ
На груди озаренной сіяетъ...

Что же врагъ? онъ назадъ!
Онъ роняетъ булаву,
Ослабленный чудеснымъ сияньемъ,
Съ воплемъ бросился въ лѣсъ,
И во мракъ исчезъ
И опять все объяло молчаньемъ.

Побѣднелъ впередъ —
Вотъ и шеремъ съ высомъ
Заблелъ между башень зубчатыхъ,
Колья вѣины вокругъ,
И на нихъ рядъ кольчугъ
Да черены въ шлемахъ косматыхъ...

Ботъ ворона, заповоръ
Упадетъ и во дворъ
Богатырь нашъ въѣзжаетъ широкой;
Все свѣгло при лунѣ,
Но мелькаетъ въ окнѣ
Свѣтъ не лунный изъ башни высокой...

Вошь съ навѣсомъ крыльцо ,
У навѣса кольцо ,
И къ кольцу креспоносецъ приближишь ,
Чушь коснулся — и звукъ
Раздастся вокругъ
Хоръ невидимый пѣсно заводитъ...

Все очнулось кругомъ ,
И по шерему громъ ,
Огоньки пробываютъ и швыи —
Но безъ страха впередъ
Смѣлый выпязь идешь ,
Подъ ногой зазвенѣли снупени.

Вошь обширный покой ,
Озаренный луной ,
Вошь съ нимъ рядомъ другая свѣтлица ,
Тихо все, лишь порой
По бокамъ за спиной ,
Появляются спирашныя лица.

Вспыль далѣе — вспль
То забрезжеть, шо нльпль,
Чуть блеснеть и исчезнеть мгновенно, —
Разомь хлопнула дверь,
Вспль къ ней — и шеперь
Онь въ вспльницъ кругомь озаренной...

Чудель, вынень уборь,
Никогда его взорь
Не встрьчалъ сколько перловъ и злаша,
Тамь вогночная шкашь,
Тамь алмазная грань,
Всёмь богачевомь вспльница богаша.

По среднль навльсь,
Цвьльть прозрачный небельсь
Опразился на шкаши лазурной,
Будто солнце на немь
Чшо-то блещеть огнемь,
Всюду вспль разливая пурпурной.

Изумленъ , ослѣпленъ ,
Випязь мыслишь : по сонъ !
Но невольно подходишь къ навѣсу ,
И коснулся слегка
Золотого спурка ,
И по кольцамъ раздвинулъ завѣсу .

И клубясь передъ нимъ ,
Изъ курильницы дымъ
Араманомъ повѣялъ — и что же ?
Онъ не вѣдешъ самъ
Вершишь , пышь ли очамъ —
Подъ навѣсомъ роскошное ложе !

Випязь , випязь ! за чѣмъ
Ты недвижимъ и нѣмъ ?
Твое сердце боязни не знало !
То невѣдомый страхъ !
Какъ огонь на щечахъ
Разгорѣлось спальное забрало

Какъ созданіе грезъ
Краше лилій и розъ ,
Предъ вѣнземъ дѣва младая ,
У ланишь , у плечей ,
Вьются кольца кудрей ,
На лебяжюю грудь упадал.

На подушку она
Головой склонена ,
Ей серебряная дымка покровомъ ,
И подъ дымкою снатъ ,
Какъ пѣшокъ сквозь шуманъ ,
Обозначень на ложѣ пуховомъ.

Чино жъ молчишь красона?
Неподвижны усна ,
Ей дыханіе груди не колышетъ . . .
Видно спишь — и сквозь сна
И чужаго она
Въ часъ полночи прихода не слышишь!

Мигъ проходишь — смѣлый
Випязь близишься къ ней,
Онъ влобленъ — онъ не вынесетъ долъ,
И кипишь и горишь,
И онъ жаркихъ ланишь
Онъ забрало опвелъ по неволѣ.

И коснулась рука,
Дѣвы спицей слегка,
Что жъ онъ вдругъ поблѣднѣлъ, цыпенъешъ?
Сердце дѣвы не бьешъ —
Грудь красавицы — ледъ!
Онъ прекрасной могилою вѣешъ!

Но не сводишь онъ съ ней
Неподвижныхъ очей,
Все въ ней душу любовью волнуешъ,
И чуть смѣя дохнушь,
Онъ припалъ къ ней на грудь,
Охлаждаема очи цѣлуешъ.

Вдругъ съ груди боевой
Крестъ повисъ золомой
И коснулся онъ персей дѣвицы. . .
И не чудо ли? вновь
Загорѣлась въ ней кровь,
Поднялися гусныя ресницы.

И томна и блѣдна,
Долго смотритъ она,
На младаго пришельца спыдливо,
И лѣвой рукой
Свой покровъ голубой
Надвигаетъ на грудь испорчиво.

Но какъ будто отъ сна
Вдругъ воспрянувъ она,
На колыни предъ вилзємъ пала.
«Избавишель, поспой!»
«Доверши подвигъ свой,
«Безъ тебя я бы вѣчно спрадала!»

«Мнѣ за грѣхъ наведенъ
«Смерщный, пятгоспный сонъ»,
*Здѣсь ужасною жизнью жила я!
«Лишь мѣнялись мечты,
«Средь ночной темноты,
*И спрашивае одна, чѣмъ другая...

«Твой могучій ударъ
«Не разрушилъ бы чаръ,
«Всѣ чары твоя крестъ разрушаетъ —
«Ахъ! опдай мнѣ его,
«Мнѣ не жить безъ него...
«Видишь сонъ мой вѣжды смыкаетъ...»

Дѣву вдругъ объялъ сонъ;
Богатырь изумленъ,
И досель не вѣрнѣ онъ чуду. —
Вопъ мой крестъ, наконецъ
Восклицаетъ пришлецъ,
Да хранишь онъ прекрасную всюду!

Крестъ снимаешь , попомъ
На обьяшную сномъ ,
Золотую онъ цѣпь налагаешь , —
Опъ волшебнаго сна
Вновь очнулась она ,
И веселье во взорахъ блискаешь . . .

Вдругъ поухли огни —
Все ушло въ шши ,
Раздается по шерему грохотъ ,
То произпительный звукъ ,
То спешанье и спукъ ,
То Русалокъ насмьшливый хохотъ .

Разомъ спнимъ огнемъ
Теремъ вспыхнулъ , и громъ
Подъ землей прокапился прикраны ;
Спѣны зыблются , сводъ
И шрециптъ и падептъ ,
И рассыпались башни зубчаны . . .

Ночь минула, разсвѣтъ... .

Что же выплзла нѣтъ?

Гдѣ же перемъ и башни и стѣны?

Все исчезло, лишь съ горъ

Смотришь сумрачный боръ

На плывущее тѣло межъ нѣтъ...

Есть преданье: съ нѣтъ поръ

Тотъ панислвенный боръ

Обищала оппщельница дѣва.

Кню по видѣть, одна,

Тамъ молилась она,

Надъ рѣкою, подъ стѣною древа.

Много минуло лѣтъ,

И моельницы нѣтъ

Сохранили преданье напѣвы.

И курганъ надъ рѣкой

Былъ дѣвнчей горой

Названъ въ память оппщельницы-дѣвы.

СПбГУ

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

СПЛОТ

★

СПбГУ

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

1.

Какъ дневной смолкаешь шумъ ,
Какъ лазурный сводъ темнѣешь ,
Надъ землею незримо вѣешь
Тихой жизнью Ангелъ думъ! . . .
Въ эту сладоспную пору ,
Какъ въ священной шипинѣ ,
Предстаешь природа взору ,
Безмятежная во снѣ ,
Спраски буйное безумье
Далеко бѣжишь души ,

И таинственно раздумье
Сходишь на сердце въ тиши!
Въ это чудное мгновенье
Есть неясная печаль,
Есть неясное стремленье, —
Будно сердце рвется вдаль,
Будно хочешь пародиться
Въ цѣломъ мірѣ съ чѣмъ нибудь,
И двоишь большая грудь
Одиночествомъ помнишь.

II.

Одинокій гонимъ земли
Зришь ли звездочки вдали,
Какъ онѣ межъ облаками
Блещутъ яркими чешаи, —
Иль, задумчивъ, смотришь онѣ,
Какъ, всходя на небосклонъ,
И любви и неги полный,
Лобызаетъ мѣсяць волны, —

Иль слѣдишь за вышеркомъ
Какъ онъ вѣпся надъ цвѣшкомъ,
Какъ въ шаинспвенномъ лобзаньѣ
Пьетъ душистое дыханье.....
Жизнь ихъ сладостная въ немъ
Не горитъ живымъ огнемъ!
Онъ душою опчужденной
Ихъ союза не поймешь:
Для души уединенной
Миръ прекрасный не живетъ.

III.

Но когда благословенны,
Вседержавною рукой,
Двѣ души союзъ священный
Заключатъ между собой,
Какъ огонь любви согрѣетъ
Ихъ волшебной шеплошой,
Опкровеніе повѣстъ
Вмигъ надъ любящей четой, —

Тайны тѣ , что схоронила
Грудь природы глубоко ,
Вдохновенная сила
Разрываетъ ей легко.
Въ лоно пламенныхъ объятий
Двухъ любовниковъ какъ брашій
Миръ прісметъ , — и тогда
Съ ними жизнь его слина ;
Звездъ и мѣсяца сіянье ,
Шумъ деревъ и говоръ водъ ,
И цвѣтовъ благоуханье ,
Все имъ голосъ подаетъ ,
Все въ нихъ жизнь переливаетъ ,
Какъ съ природой ихъ одно
Навсегда соединяетъ
Неразрывное звено.

IV.

Подъ навѣсомъ зыбкой сѣни ,
Гдѣ цвѣшущія сирени

Наклонились головой,
Надъ дерновою скамьей,
Слышениъ голосъ:

— Чшо, мой милой,
Смопришь въ очи мнѣ уныло?
Чшо мнѣ руку пожалъ шы?

Онъ.

Другъ мой, грустныя мечты
Взволновали вдругъ мнѣ душу.

Она.

Чшо жъ? скажи!

Онъ.

Зачѣмъ нарушу
Грустной мыслию моей
Сладкій сонъ души твоей?

Она.

Ты печалень: почему же
Мнѣ печальною не быть?
Радость я дѣлю: кому же
И печаль съ тобой дѣлать?

Онъ.

Такъ взгляни жъ на эшо море ,
Какъ роскошно на просторъ
Блещеть тканью золотой ,
Озаренное луной!
Что же , если бъ , перлъ вселенной ,
Неожиданно , мгновенно ,
Мсяцъ на небъ поухъ ,
И уналъ на волны вдругъ
Мракъ несходный и угрюмой ?

Она.

Онъ чего же эшой думой
Ты глубоко пораженъ ? . . .

Онъ.

Ею былъ перенесенъ
Я къ другой мечнѣ мятежной.
Я тебя , мой ангелъ нежный ,
Съ эшимъ мсяцемъ сравнилъ ,
Чтобъ мнѣ мѣръ прекрасный былъ.
Если бъ снова я душою

Въ немъ оспался сиротою,
Если бь (спрашная мечпа!)
Эши очи и уста

Она.

Что жъ печалишься, мой милой?
Жизнь втра и за могилой.
Не равно ли, здьсь иль памъ?
Лишь бы жинь не розно намъ!

Онъ.

Вьрю, вьрю уповаыю!
Но за гробъ однимъ пушемъ,
Къ замогильному свиданью,
Все жъ не вмьсть мы подемъ.
Молодъ я, во цвьшь сплы:
Мнъ далско до могилы!
Ты же жиню цвьшокъ;
Юныхъ дней пивокъ попокъ
Унесеть одно спраданье,
Какъ унеситъ въшерокъ
Жизнь цвьшка благоуханье.

О, коль эпо испытанье
Суждено мнѣ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Я, клянусь, тебѣ во слѣдъ
Землю грустную оспавлю
И, свободною душой,
Гдѣ бѣ ты ни была, направлю
Мой полетъ я за тобой! —

Онъ замолкъ; она молчала,
Но къ груди его прижала
Чернокудрой головой,
И, храня слѣды печали,
Очи тихія сіяли
Умиленною слезой.

V.

Есть предчувствіе; я вѣрю
Невозвратную потерю
Въ насъ душа предузнаешь:
Волъ сирень еще цвѣтешъ,

Надъ скамьей уединенной, —
Что жъ пропою пощаенной,
Въ часъ, какъ ночи стѣнь падешъ,
Къ ней никшо уже нейдешъ?

Не придешъ оплечь младая
Намъ знакомая чеша!

Въ зломъ недугъ угасая,
Вопъ на ложь смерти па,
Чьи давно ль во мракъ ночи
Пламени нѣгой очи,
А шеперь при блескъ дня
Будшо звѣзды безъ огня;
Вопъ и онъ, другъ сердца милый,
Неподвижный и улымый,
На колынахъ у одра:
Онъ слѣдишь, какъ жизнь въ ней вянешъ,
Но не вѣришь, что наспанешъ
Сердцу спрашная пора!

Не спасла любовь. О вѣра!

Мукъ земныхъ свершилась мѣра;
Сна могильнаго крыло
Осыяетъ ей чело.
И на долгую разлуку
Холодящую руку
Другу подала она:
Жизни дрогнула спруна, —
И дуна, подобно звуку,
На невидимыхъ крылахъ,
Упонула въ небесахъ.

Есть предѣлы упованьямъ!
Вопль съ опчальнымъ рыданьемъ
Онъ падаетъ у хладныхъ ногъ,
Вдругъ у ногъ пахнулъ одеждой
Перелетный въперокъ:
Вспыхнулъ юноша надеждой;
Къ ней! зовешь. . . . Обманъ жестокъ!
Безопытенъ зовъ безплодный,
Неподвиженъ спрукъ холодный,

Очи, перси и уша
Все замолкло навсегда.

И безумнострашнымъ взоромъ
Обратился онъ съ укоромъ
Къ опдаленнымъ небесамъ ;
Но слышало все было тамъ.
Синева небесъ сіяла ;
Божьихъ Ангеловъ семья
Хоромъ въ рай сопровождала
Душу чистую ея.

VI.

Выпалъ жребій неизбежный !
И любовникъ молодой
Кляпвы спрашной, кляпвы нѣжной
Сохранилъ объять свяшой.
Міръ безлюдной, міръ печальной
Для него пустыней спалъ ;

Тамъ, въ лазури, ясной, дальней,
Миръ иной спрадальца звалъ.

И пришелъ онъ вновь подъ сѣни,
Гдѣ душистый сирени
Наклонилъ головой
Надъ дериною скамьей;
Но ужь сердце въ пемь хладѣло:
Кляпву онъ свершилъ свою, —
И безчувственное шло
Тихо пало на скамью.

VII.

Какъ изъ храма паръ душистый,
Какъ моливый голосъ чистый,
Окрыленна и вольна,
Новой жизнию полна,
Сумракъ ночи разсѣкая,
Понеслась душа младая, —
И предъ нею все ярчѣй

Звѣзды вдоль небесъ блиспали
И къ желанной цѣли ей
Ясно путь обозначали. . . .
И прекрасная заря,
Блескомъ розовымъ горя,
Вдалекъ передъ ней сіяла, —
Будно солнцевъ легионъ
Слѣпый вмѣстѣ, озаряла
Опдаленный небосклонъ.
«Видю, вижу край желанный,
«Край любви обываанный,
«И заранѣ узнаю:
«Тамъ найду любовь мою!»
Вдругъ невидимая сила
Крылъ полень оспановила.
И опшуда, гдѣ свѣтло
Небо розами цвѣло,
Что-то тихо отдѣлилось
Искрой ярко - золотой;

И падъ пѣвнью молодой
Свѣшлымъ облакомъ спустилосьъ.

УИИ.

Разошелся дымъ злобой;
И сквозь паръ дупливый дыма
Блещешь образъ Серафима
Златокудрый и молодой.
«Тыль преспушная, куда пы!
Рай въ свѣтлыя палаты
Не достигнешь пы къ врагамъ;
Ты не Бога любишь тамъ,
Но любовь свою земную
Переносишь въ жизнь пную, —
И на казнь обречена
Эта пляжка вина!
Между небомъ и землею
Осужденъ пы жить душою;
Ты съ земли отпоргъ себя, —
Рай чуждается тебя!»

IX.

Опчужденною душою
Въ цѣломъ мірѣ сирота,
Между небомъ и землею
Онъ живешь; идущъ льща, —
И перазъ ему случалось,
Въ хорѣ Ангеловъ сдавалось,
Милый голосъ слышалъ онъ.
О, какъ сильно эпошь званъ
И мучительнымъ желаньемъ,
И поской, и упованьемъ
Душу бедную смущалъ!
Крылы вновь онъ развивалъ,
Но невидимыя силы
Оспанавливали крылы,
И на грустный край земли
Безпощадныя влекли.

СПбГУ

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

СП6ГУ

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Кто бросился въ Волховъ съ крутыхъ береговъ?

Въ рѣкъ за клубилася пѣна,

Въ рѣкъ зазвенѣло... не звонъ ли оковъ?

На верное бѣглый изъ плена!

Нынь, бѣглый не будетъ съ мечемъ и въ бронь,

У плывника збруи не снало!

То кто-то изъ нашихъ плывенъ на конь...

Зачѣмъ же надвинулъ забрало?

Онъ крепокъ, онъ молодъ, онъ волны съеченъ

Съ прямой богатырской ошвагой,

И конь его сильный ошважно плывенъ,

И брызжетъ кипящею влагой;

Ужь поздно—и шуча легла какъ свинець,
По Волхову въперъ гуляешь,
Опшкликнула воронъ,— порописа пловець —
Не доброе воронъ вѣщаешь!

Вонъ конь погрузился, тяжель пльвешь —
Но берегъ другой не далеко,
Хранишь и дрожишь онъ, и разомъ изъ водъ
На берегъ влеченасишь высокой. . .

Вдымая воньиве, онъ буйно заржалъ,
Взмахнулъ онъ косяншою гривой,
И бодрый какъ прежде по кочкамъ помчалъ
Съдока удамага репиво.

Къ недалекому бору подъехалъ тздокъ,
Окресивъ все и темно и глухо,
Порою болонный блесневъ огонёкъ,
Но шачпо не доходивъ до слуха.

Чъмь даль, все гуще и сумрачнѣй боръ,
Нависнули сосны да снн,

Какъ видно не съкъ ихъ безнадный попоръ ,
И люди ихъ пронупъ не смѣли.

Конь пужко спускаешъ , нѣтъ болѣе силъ ,
Дрожащъ подгибаясь кольна ,
Вошь спалъ онъ упрямо и каплешъ съ удилъ
И кровь и багровая пѣна . . .

На землю спушилъ по неволѣ съдокъ ,
Копя онъ ведетъ за собою ,
По цупъ ему ирулень , все пщи и песокъ ,
Да пглы хрустящъ подъ ногою .

Вдругъ выперъ ударилъ и облакомъ дымъ
И свѣтъ разливаюцца всюду ,
Послышался голосъ : «куда ты , Вадимъ ?
Къ добру ты прищель или къ худу?»

Иду я совѣта искашь у Волхва ,
Прищелецъ онъ вънѣспвуешъ смѣло ,
Проникъ онъ въ шайны , въщашъ молва ,
Такъ самъ угадаешъ : въ чѣмъ дѣло ?

Сказалъ онъ и въперъ зачихнулъ, и въ мигъ
Разсѣялось облако дыма,
И ниго подходишь спольный шарикъ
И взоромъ пыпаешь Вадима. . .

Разсвѣчена злапомъ одежда на немъ,
Брада серебрилась какъ шей,
Главу жъ освѣняетъ лешучимъ выцетъ
Огонекъ по румяной, по снѣй.

«Вадимъ! ты узнаешь, всевъдушь ли я
«И ницетно ль митъ въряшь народы,
«Покоренъ митъ воздухъ, покорна земля,
«Проникъ и въ огонь я и въ воды.

«Чпо прежде сбылось, чпо будетъ впередъ,
«Все знаю въ пустынь безлюдной,
«О чемъ ты замыслилъ и чпо тебя ждешь
Провѣдашь, увидишь, не прудно.»

И шепчешь гадашель и кругъ очертилъ,
Медвѣжьей махнулъ рукавицей,

И шпидцы опвисюду, шумл и свисня,
Слепахюся бурной спаницей.

Теперь все гошово, промолвилъ спарикъ,
Всю правду намъ выскажунъ шпидцы,
Тебъ же поняшенъ ихъ будешъ языкъ,
Пока не шагнешъ за границы.

И вишлзъ вспунаешъ въ шапшвенный кругъ,
Ему, какъ бы спало спрашнъ,
Онъ ждешъ предвщаннъ; волнуешся духъ,
И сердце забилосъ сильнъ:

СОКОЛЬ.

Коршунъ хищный плавнымъ кругомъ
Такъ высоко не лешай,
Дай намъ вспрышннъся другъ съ другомъ,
Силь со мною попышай!
На тебя ширококрылой
Я ударю всею силой,
И по выпру я вокругъ

Размечу швой сврый пухъ ;
А не шо, во мракъ ночи ,
Если спомъ смѣжишь шы очи ,
Неожиданный паду ,
Гдѣ бѣ шы ни былъ , я найду !

СОВА.

Ишь! и въ сумракъ ночей
Ты подъ власнѣю моею .
Соколь , ночью всюду я
За шбой какъ шбнѣ швою ,
Ты ошъ взора моего
Не укроешь ничего ;
Ночью все подвласнѣю мнѣ ,
Будь швой недругъ хошь во снѣ ,
Пробужу я вмгѣ его
До прихода швоего . . .

ВОРОНЪ.

Чѣя мнѣ слышишся кровь?
Гдѣ-шо двое враговъ!

А! коршунъ и соколъ спябающа въдругъ,
По воздуху вьется разбросанный пухъ...

Жарокъ бой въ вышинъ,
Клю жъ доспанешся мнѣ?

Вошь ударилъ одинъ, вошь ударилъ другой,
Взвивающа коршунъ и конченъ ихъ бой,

Соколъ, соколъ, швою
Кровь я досына пью!

Умолкнули пищцы — исчезнулъ спарикъ,
Вполнѣ свершилось гаданье,

Но выпязь безмолвенъ, главою поникъ,
Не въ радость ему предсказанье!

Вошь упря блеснуло, конь весело ржешъ,
Но выпязь не внимлетъ и шуму,

Вадиму печаленъ и солнца востодъ —
Онъ крѣпкую думаенъ думу. . . .

СПбГУ

Г У Р И И.

Слѣду

СП6ГУ

ГУРІЯ.

« Не ходи на поле бишвы,
Не почи свой янагань!
Не спасунть шебя молшны
Въ нучь спрѣль ошъ тѣкихъ ранъ.
Милый другъ, памъ за Пророка
Долы цѣлые въ крови:
Не ходи жъ на встрѣчу рока,
Осуши слезу любви! »

Дѣвъ спрасной и покорной
Воинъ-юноша внималъ,
И въ раздумь локогъ черной
Ей свивалъ и развивалъ:
Ч. II.

Потухаетъ жажда брани ,
Въ сердце крадется печаль , —
И скользнуть изъ жаркой длани
Недопеченная спать.

Вопть и вечеръ ризой темной
На сады, на волны, пать ;
Дѣвы милой, дѣвы помной
Грустный другъ не покидать ;
Ихъ заспать и часъ полночи
Съ грудью грудь ; — горлышъ усна, —
И смыкаеть сладко очи
Упомленная чета.

Но , какъ съ неба голубаго
Сходишь сонъ ночныхъ свѣшилъ ,
Очи война младаго
Сонъ волшебный поспшилъ :
Снилось, кто-то въ моръ запа
Промешель , и вдругъ исчезъ ;

Но съ восхода до заката
Онъ раздвинулъ сводъ небесъ;

И въ сіяньи сходишъ дѣва:
Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,
Вѣпвь божественнаго древа,
И фіяль въ ея рукѣ.
Снасть въ дыму прозрачной шкани,
Вѣль, какъ снѣгъ на пемь горь;
Грудь какъ волны, очи лани,
Но упрекомъ блестящъ взоръ.

Вонь медленно подъемлеть
Полусонную главу.
Пробудился онъ иль дремлетъ, —
Онъ не помнишь; на яву
Передъ нимъ все та же дѣва,
Тотъ же блескъ со всѣхъ спороць;
И, какъ спройный звукъ нацѣва,
Голось дѣвы слышишь онъ:

« Не спрашись. Я два рай,
Я, на легкихъ крыльяхъ спа,
Изъ надсолнечнаго края
Въ здышній міръ занесена.
Въ звѣзднои хорѣ одиноко
Я полетѣ свершана мой,
И поклонника Пророка
Жажду спраешнаго душой.

« Какъ недвижныя свѣщца
Въчистъ блескъ краси моеи:
Время, горе и могила
Трашашъ власть свою надъ ней;
Они моихъ лобзаний шаешъ
Сердце въ пламени любви,
И угасшій воскресаетъ
Огнь желанія въ крови.

« Но шого съ двойной любовью
Примешъ Гурія на грудь,

Кто въ бояхъ своею кровью
Освящилъ пророка пушь.
О, покинь, кого ты любишь!
Ситайъ подъ знаменемъ святымъ!
Ты небесное погубишь
Наслаждешь земнымъ!»

Смокла. Ризой серебряной
Обвилась, и вся въ лучахъ,
Какъ алая наръ душистой,
Дѣва понесъ въ небесахъ;
И за ней пальцимъ взоромъ
Вонизъ вслѣдъ; душа полна
Спросишь новой, и укоромъ
Грудь порою стѣснена:

На подругу вводишь очи, —
Но не къ ней любви огонь!
Онъ вспаесть. Подъ кровомъ ночи
Тихо выведенъ имъ конь.

За плечами лукъ и стрѣлы,
Япаганъ за кушакомъ.

И понесся воинъ смѣлый

На свиданіе съ врагомъ.

День зажегъ края восшока, —
Приниме конь, — и скоро онъ
Подъ знаменами Пророка
Съ докомъ осивановленъ.
Мигъ вздохнуть, и вновь летучій
Въ бой помчался съ сѣдокомъ.
И, какъ въ бурю шума съ шумей,
Воинъ вскрикнулся съ врагомъ. —

Вдругъ ударъ! Облиный кровью
Онъ падетъ на груди шлемъ.
Смерть надъ нимъ; но къ изголовью
Клю-шо свѣшлый подлешлемъ.
Онъ взглянулъ: шо дѣва рая!

Все въ ней блескъ и красота :
И загляся умирая ,
И прильнули къ ней усна.....

СПбГУ

СПбГУ

ДУМА.

СП6ГУ

ДУМА.

I.

Воля, сила и ошеата
Въ голубыхъ волнахъ Днѣпра,
Съ шумомъ пунь свой режетъ влага
Свосправна и быстра.
Бѣгъ ея обозначаая,
Бессарабія спешная
Справа плынетъ; кругомъ,
На раздольи голубомъ,
Нивы далеко пыльныхъ, душныхъ
Многочудныхъ городовъ,
Только бѣгъ гонцовъ воздушныхъ

Перелешныхъ облаковъ ,
Только солнце золотое ,
Небо звѣздно - голубое ,
Да январный ликъ луны
На двѣсирѣ отражены !
Край окресный , край нуспынный !
Холмы идуть цѣною длинной ,
Бѣ волнамъ кой тѣ сходящій садъ .
Защипеть онъ бурь и зноя ,
И крутые сканы кроа ,
Зеленъ , вѣтѣя виноградъ .
Да съ границъ страны опальной
Возвышал легкій роснъ ,
Тѣною спройно - колоссальной
Тополь на берегъ недаленой
Перекнулъ зыбкій моспъ ,
Будпо , спранникъ поропливой ,
Онъ въ Подоліи счастливой ,
По спеклянному пуши ,
Самъ хопъль бы перейши !

II.

Чья жь пѣнь разоспалась на Днѣспрѣ голубой,
Не шучу ли буря наводишь?
Нышь! шучи мрачнѣе, тяжелой сполой
Твердыня съ холма къ нему сходишь.

Вошь замокъ и башни, пустыни гроза,
Вдоль гребнемъ зубчатыхъ снѣжны —
Ихъ пѣнь опшываетъ у волнъ небеса,
И блескъ у серебряной пѣны!

Съ крушаго разбѣга сердшино рѣка
Подножье кремнистое роситъ,
Но въ пщепныхъ усилахъ проходятъ вѣка,
Волна великана не смоешь!

Какъ юноша буйный, былъ спрашенъ Хотинъ
Подолѣи въ прежнія льпа,
Пока бунчуки развѣвались съ вершинъ
И мѣсяць сіялъ съ минарета;

Копия - 64/60.

Онъ твердою грудью встрѣчалъ Поляковъ,
И часно кровавые струи
Со снѣжь осажденныхъ, съ крупицы холмовъ,
Капавшеся въ рѣчные ущелья!

Но Русское знамя могучимъ орломъ
Взвилося въ Заднепровской равнинѣ,
Хощинъ не заспорить съ неравнымъ врагомъ —
И крестъ возсѣлъ на твердыни!

Съ развалины мечени воздвигнулся храмъ,
И скоро, на звонъ колокольный,
Съ окрестной равнины, безъ снѣга, къ снѣгамъ
Сойдется народъ богомольный...

Но Русскаго недругъ бѣги Хощина!
Онъ миренъ — но прежнія силы
Въ себѣ зашлапа съдая снѣга,
Дохнешь — и посѣнешь могилы!

Копия

III.

У спянь обрушенныхъ, набѣгомъ волнь подры-
шихъ,

Грозой военной пль временемъ разбишихъ ;

Раздумьемъ прихожу развлечь мою поску ;

Къ обломку мшистому прикинувъ головою ,

Сльжу, какъ быспрый Дивспрь , по желному
песку,

Лазурно освѣщенъ вечерней спневою ,

Въ живыхъ извилинахъ спрунися предо мною...

Какъ тихо и свежо ! Весенне цвѣтны

Съ равнищъ Подолн душистымъ паромъ вьюшь, —

О если бѣ кто другой , въ комъ есть еще мечны ,

Въ комъ славы помыслы живое сердце гвюнь ,

Сюда принесь, какъ я, свой пворческій досугъ ,

Здѣсь вдохновился бѣ онъ, какъ чародѣй, какъ

Духъ ,

Воображеніе крылами расширя ,

И опъ земли себя забвемъ опрыпа ,

Отсюда безъ преградъ свободная душа
Далече бѣ унеслась какъ Пери молодой,
И, какъ рубежъ степей и звездный небосклонъ,
Два жизни бѣ въ немъ слились въ одинъ согла-
сный сонъ!

IV.

Что же свель инормую птешую
Сшени вольныя вокругъ,
И надъ ними даль небесную
Сдвинуть въ близкій полукругъ?
Не пемничною ль оградю
Воздухъ сжашъ вокругъ меня,
Что ни волей, ни прохладою
Не вздохну проснорно я!...
То не чары, не заклятія,
Небо сдвинули и степь,
Но птешаныя меня обьянія
Чьи-то пляжкія какъ цѣпь!

Тайный недругъ обладаемъ
Жизни немощной моей,
Онъ слѣдишь за мной предаемъ
Въ самомъ сумракъ почей —
И незримаго присушествіе
Сердцемъ сжатымъ познаю,
Ленью онъ хладное безчувствіе
Въ душу грустную мою,
Онъ любви и вдохновенія
Развѣваетъ дымомъ сны,
Съ нимъ и слезы умиленія
Какъ ребяческиво смѣжны!...
Мысль оправдную, случайную
Если въ сердцѣ зашаю,
Ясновидецъ, думу тайную
Проникаетъ онъ мою,
И зародышъ наслажденія
Умерщвляетъ злобный духъ,

Какъ младенца до рожденія
Въ лонъ мащери недугъ! . . .

V.

Но кто же онъ, сей хладный возмущитель,
Спокойствію сердцаго въ нищѣ?
Исчеловѣкъ, не демонъ соблазнитель,
Но собственною изчадіе души!
Когда по ней рушительной грозою
Кровавыя спираданія прошли,
На алтарь цвѣтны мои пожгли,
И огонь попухъ, безъ нищѣ, самъ собою —
Во глубинѣ ступенчатая мгла,
Мнѣ голосъ свой могильный подаде, —
Какъ филлипа напѣвъ среди развалинъ,
Глухой опзывъ мучительно - печаленъ,
Но пошь, кому внимаешь я осужденъ,
Безъ образа и безъ названья онъ! . . .

VI.

И, подавленъ сей власшью роковою,
Въ природѣ всей уединенъ душою,
На небеса, на волны, на цвѣтны
Бросаю взглядъ холодный, упомищенный,
Какъ бы глядѣлъ любовникъ пресыщенный
На прелести докучной красоты,
Которыя инакъ пламенно, бывало,
Пока еще таились оны,
И на лву и въ сладоспращномъ снѣ
Воображеніе кипящее ласкало. . . .

Вотъ ужъ вспыхнулъ темный сводъ
Искромешными звѣздами,
И, не споря съ берегами,
Днѣспрѣ у ногъ моихъ печешь;
И къ спрулямъ его сбѣгая,
Вдоль цвѣтами убрана,
Будно дѣва молодая,

Мнѣ Подолія видна;
По неясную кручину
Сердце креститъ въ глубинѣ,
Будто въ пятоснѣ видѣть мнѣ
Вдоль развинуто карпину,
Свѣтлой, мирной красотою
Несогласную съ душой!

УП.

Но чу! я слышу, въ рощѣ дальней,
Зовутъ подругу соловей,
О что жъ сбылось въ груди моей,
Такъ долго холодной и печальной?
Ужель на пѣсню соловья
Опозвалась душа моя!
О помню, помню звуки эпи,
И вы ихъ помните ль, друзья,
Еще тогда мы были дѣти,
Ихъ вмѣстѣ съ вами слушалъ я.
Тѣхъ дней младенчества безпечныхъ,

Игривыхъ, свѣтлыхъ, быстропечныхъ,
Какъ будто снова предо мной
Веселый, шумный ожилъ рой.

VIII.

Другіе дни шумною чредою,
Въ воспоминаніи за ними идущъ вслѣдъ,
Тѣ дни, когда любимую мечшою,
Надеждою и цѣлью былъ — пошпъ,
Какъ много разъ въ прохладный мракъ долины
Я приходилъ на голосъ соловьиный,
И, въ творческомъ какомъ-то полуснѣ,
Тамъ, одинокъ, блаженспивовалъ вполнѣ.

Тогда еще Эдемъ воображенья.

Божественной былъ полови чистоты,
Не грустныя въ немъ жили привидѣнья,
Но Гурія прекрасныя — мечты!
Онъ меня предательскіи ласками,
И ихъ рѣчей ловилъ я жадно звонъ,

Волшебницы на душу накликали
Плѣнительный о будущности сонъ...

Я вѣрилъ имъ, я жаркими руками
Воспорженно цѣвницу обнималъ,
Хотя еще подъ слабыми перстами
Неспройный звукъ на струнахъ трепеталъ. —
Но сладко жить я въ гордомъ уюваньи,
Пока еще предчувствованьи не могъ,
Что самъ себя на вольное спрдаанье
Младенчески доверивъ я обречь!...

IX.

Но чѣмъ еще вѣюшь знакомые звуки,
Что жгучая къ сердцу прихлынула кровь?
Въ немъ страхъ и надежда, и радость и муки,
Былое волненье, бывшая любовь!
Не снова ль блеснули подъ ризою ночи
Любовью и пѣгой прекрасныя очи,
Не вѣюшь ли кудри душистыхъ власовъ,

Не слышишься ль шорохъ знакомыхъ шаговъ?
Что медлишь, приди же, присядь къ изголовью,
Хранишь елемь-духомъ по прежнему будь,
И пѣжною лаской и тихой любовью
Недугъ мой перпоргни, согрѣй мою грудь!

х.

Разомъ смолкнулъ соловей,
Гдѣ же призраки, гдѣ грезы,
И зачѣмъ блеснули слезы
Умиленья изъ очей?
Я нищу монхъ видѣній,
Но въ волнахъ вечерней нѣвы
Ущопула даль равнинъ,
Тихо!... пусто!... я одинъ!....

Тяжко слово роковое
Въ глубину души надеть,
Но, какъ гробъ, опять въ покровъ,
Грудь ошвырна не дастъ;

Такъ скалы чело съдое
Какъ гроза его сорвешъ ,
Чрезъ граппиныя спусени
Въ бездну падаешъ , гдѣ волнѣ
Безъ сянныя и безъ нѣни
Крушояръ гнѣющихъ помнѣ , —
Гулъ кремнистаго обрыва
Глухо виоритъ глубина.
Но облюмки безъ ошыва
Примешъ мершвая волна!

СИРОТКА.

СПЛОТ

СП6ГУ

СИРОТКА.

МАЛЬЧИКЪ.

Родимая, пойдѣмъ скорѣе!
Ужъ спало поздно; все темнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой;
Мнѣ спрашно здѣсь.....

ПОСЕЛЯНКА.

Господь съ побой!

МАЛЬЧИКЪ.

Кругомъ кладбище; по долинтъ
Однѣ могилы да кресты.....

ПОСЕЛЯНКА.

Вошь храмъ Господень посреднѣй.
Перекрестись..... Ну, что же ны?

МАЛЬЧИКЪ (*жметъ къ ней*).

Попише! Видишь ли, родная,
Вонъ что-шо черное вспаептъ?.....
Все нуще спрахъ меня берептъ.
Мершвецъ!.....

ПОСЕЛЯНКА (*ослабываетъ*).

Гдѣ? Троща свянца.
Помилуй насъ!.... Пойдемъ. Ахъ, гвнцъ,
Ты испугалъ меня, мой свѣпцъ!
Навѣрное спроника наца
Зашла сюда. И впрямъ!

(*Подходятъ къ двѣруцкѣ, сидящей на погилѣ*).

Параша!

ДѢВУШКА.

Кто звалъ меня? Мой бранцъ, не пы ли
Услышалъ плачь мой и въ могилѣ?...
Нѣпцъ, не дождусь оипвѣща я!
Нажала грудь его земля! (*плачетъ*).

ПОСЕЛЯНКА.

Дитя мое!

ДѢВУШКА (*равнодушно*).

Кшо здѣсь?

ПОСЕЛЯНКА.

Ужели

Узнать не можешь ты меня?

ДѢВУШКА.

Ахъ, эшо ты! Узнала я.

ПОСЕЛЯНКА.

Чу! слышишь, пыпухи пропѣли.

Вѣдь эшо полночь! Спашь пора.

Пойдемъ; пробудь хощь до ушра

У насъ въ избѣ.

ДѢВУШКА.

Зачѣмъ опсиода?

Мнѣ хорошо и здѣсь покуда.

Идите съ Богомъ по домамъ;
Госпийъ здѣсь не у кого вамъ.

ПОСЕЛЯНКА (*горестно*).

А ты въ госпяхъ?

ДѢВУШКА.

Я здѣсь у брата.
Со мною онъ! Одна опрада
Надъ нимъ проплакашь день и ночь.....

ПОСЕЛЯНКА.

Слезами горю не помочь.
Послушай.

ДѢВУШКА (*задумливо*).

Въ упреннемъ шуманъ,
Нарву цвѣшовъ ему зарапъ,
И канепъ, прежде чѣмъ роса,
Къ нему на грудь моя слеза.....

ПОСЕЛЯНКА.

Пойдемъ!

(*Отрываетъ ее насильно отъ логии и уводитъ.*)

И спутница младая

Идешь, сама не понимая,
Куда, зачемъ. Ей всё равно, —
Всё горе на сердце одно!
Пришли въ село; въ избушку вводятъ
Ее по темнымъ ступенямъ,
И вопъ покой: лучины шамъ
Горятъ, и свѣтъ кругомъ наводятъ.
Очнулась госпя.

ДѢВУШКА.

Гдѣ же я?

ПОСЕЛЯНКА.

Не бойся; ты въ избушкѣ нашей.
Садись поближе къ эпой чапѣ.
Ты голодна?

ДѢВУШКА.

Пусти меня!

Мнѣ тяжко здѣсь; дышу насилу;

Пусши на брапнину могилу,
Мнѣ легче шамъ, мнѣ лучше шамъ *(блжить къ
дверямъ)*.

ПОСЕЛЯНКА.

Напрасно рвешься шы къ дверямъ,
Не ошопру. Хопъ по неволь
Ты у меня пробудень долъ.
Дшнш! повѣрь мнѣ, шы больна,
И день и ночь не знаешь сна.....
По вощъ носшель псебъ гошова.
Ложись.

И болъе ни слова.

Лучша вмигъ погашена.
Легла спрощка по неволь,
И о своей печальной долъ
Опашъ задумалась она.
Мечшы смѣшались; какъ ни больно
Ей было на сердце, но сонъ
Смѣжилъ глаза ея невольно,

Хоть не принесъ оспрады онъ , —
И твѣ же думы обладали
Ея душою и во снѣ :
Усна лишь жалобы однѣ ,
Да имя брата лепетали.
И попѣ , кно ей такъ дорогъ былъ ,
Во снѣ являся говорилъ :
« Сеспра , не плачь , не плачь , сеспра ,
« По мнѣ онъ ушра до ушра .
« Мнѣ дорогъ даръ швоей любви ,
« Но слезы въ шягоспѣ мнѣ швои ;
« Огнемъ онъ шпекупѣ по мнѣ ,
« И весь горю я какъ въ огнѣ .
« Взгляни на саванъ : видишь , онъ
« Слезами жаркими прожженъ !
« Сеспра , въ залогъ своей любви ,
« Ты Бога долъ не гнѣви ;
« Не плачь напрасно надо мной , —
« И сладокъ будетъ мой покой ! »

Ч. II.

6

Она проснулась. Смутный взоръ
Искалъ вокругъ любимой нѣбы:
Ея мучительныя вѣны
Ей въ душу врезались. Съ пѣхъ портъ
Она шептала и вѣдыхала,
Возведши взоръ на небеса,
Но никогда ей слеза
На чашу брану не блистала.

И черезъ голъ она пошла
Оплъ на бранную могоду.
Тамъ было тихо; и насилу
Ее узнать она могла:
По ней узорчаной грядю
Блиспали яркіе дѣвны,
Да разрослся полюсою
Травы заглохшіе кусны;
И безоласно въ цхъ среднѣ,

Въ надеждѣ мира и тепла,
На льно гостылъ въ пойн долинь,
Гнѣздо малишова вѣла.

СПбГУ

СПбГУ

ПОЭЗІЯ и ЖИЗНЬ.

Слѣбду

СПбГУ

ПОЭЗИЯ и ЖИЗНЬ.

Невидимкою слепая
Въ заолуночной шпине,
Чаровница молодая
Не превожь моей души;
Поцеди меня, Симфония,
И спрячусь любви твоей,
Опомнилась Эвменида
Каждый звукъ твоекъ речей!

Пыль! волшебница не вмешайся, —
Приближася она...
Грудь, я чувствую, объемлетъ
Животворная весна,

Ароматъ во мракъ вѣпся,
Арфа въ воздухъ звучишь,
Звонъ роскошно въ душу льется,
Будно Ангель говорить!

«Снова ль рѣзвою игрою
«Хочешь сердце обмануть,
«Обольстивъ меня мечною,
«Упованіемъ блеснуть?
«Пить! мою, въ залогъ свиданья
«Вырви слезы изъ груди,
«И хопь жизнь воспоминаья
«Прежде сердцу возврати!»

Ты... Но жернишникъ разбитый
Кто олянь возсноповилъ?
Огнь угасшій, огнь забытый
Минмолепомъ оживилъ?...
Въ ризь пара голубова
Предшолцій міръ бѣжншъ,

И доступнымъ раемъ снова
Міръ минувшаго опкрыть!

Ть цвѣты, что рано свали,
Что безсильною росой,
Тщелно слезы окроляли,
Оживающъ предо мной;
Снова пыины, снова блещутъ,
Вновь, музыка - ароманъ,
Звуки въ лонъ ихъ препенущъ,
Въ звукахъ образы кипящъ.

Кпо вы райскія видѣнья
Дѣвы чистой красоны?
Не изъ царства ль вдохновенья
Воплощенныя мечпы?
То сквозь сумракъ арфы ваши
Блещутъ солнечнымъ лучемъ,
То рубиновыя чаши
Звѣздъ препенущимъ огнемъ...

Долу, дивныя, коснулись,
Блещущи, выюшей вокругъ меня,
На призывъ ихъ воспринялись
Перси полныя огня,
Ночь влившемъ вдохновеннымъ
Чашъ и звуковъ и прѣсновъ,
На преносимыя свѣщенныя
Виды и жаривомыя топы...

Но зачѣмъ огонь блѣднѣесть,
Чаръ обжигаетъ оныя алмазы?
Не прохлада ль утира вѣсны,
Не блещула ль вазъ зари?
Чѣмъ произвнелыныя крики
Воздухъ воплемъ пошриси,
Чино за насмурные лизи
Появились вдали?

Сквозь послѣдній сумракъ ночи
Узнаю предтечей дня,

Ихъ пронзительные очи
Леденить и жгутъ меня ;
Гаснеть пламень вдохновенья
Подъ размахомъ хладныхъ крыль ,
И святыя испоганя
Дерзкій хохотъ заглушилъ !

Разомъ смолкнули нагбвы ,
Стихнулъ причесивенный звонъ ,
Прочь испуганныя дѣвы
Разлезаются какъ сонъ —
Тишеща ихъ моллю и кланчу —
Умолкають въ блескъ дня —
И мучнислямъ въ добычу
Беззащитно преданъ я !

Сдвинуть вихремъ лдовиннымъ
Съ громомъ жерпвенникъ мой палъ ,
Звонъ по арфамъ позабытымъ
Разногласный пребьжалъ ,

И, съ предсмертнымъ содроганьемъ,
Оплетаешь жизнь спруны,
И язвительнымъ дыханьемъ
Вновь цѣпы поражены.

И — двойникъ неумолимый —
Кипитъ слухъ перзаетъ мой
И насмѣлкой нестерпимой,
И бездушной клеветой;
То замру я ледяца,
То почувствуюсь въ огонь,
Будто коршунъ Прометея
Разрываетъ сердце мнѣ!

Н Е В Ъ С Т А .

С П О Р Т У

СП6ГУ

НЕВЪСТА.

Омрачили небо юга
Буря осени и ночь,
На дворъ мятежь и вьюга,
Отгь жилья далеко прочь
У Дьпра сивонть избушка,
Въ ней убогая спарушка
Спорожнишь больную дочь.

На раздольи вѣтеръ шумный
Дико воепъ и свиснишь,
Дочь проспунлась, взоръ безумный
Вспыхнулъ разомъ...

ДОЧЬ.

Кто спучить?

Слышишь... голосъ?

МАТЬ.

Я не слышу!

Только ввѣтеръ лопнишь крышу

И соломою шумишь....

ДОЧЬ.

Кто-то свнщеть, что-то скачеть...

Ближе, ближе, ... вопъ зашихъ —

Торопись! невѣсна плачеть,

Торопись мой женихъ!

МАТЬ.

Не пугайся! это вьюга

Поспучалася въ окнѣ,

Съ Богомъ! ... спи....

Но жаръ недуга

Мучить бедную; один
Съ нею грезы дни и ночи;
Милый образъ водяныя очи,
Милой рѣчи внемлеть слухъ,
Ждетъ его, а онъ . . .

Но вдругъ

Всперъ въ дверь ударилъ съ силой
И съ размаха распахнулъ —
«Вонъ онъ! вонъ! бѣгу, мой милый!»
И, собравъ остатки силъ,
Съ ложка бросилась больная
Въ дверь — и вонъ! Полуживая
Кличешь въ слѣдъ спарушка-машъ:
Дочь ушла! и на кровати
Пала, бедная, рыдая . . .

Ночь прошла, снѣга легли,
Но въ Дивьрѣ еще кипѣло,
И безчувственное шло
Волны къ берегу несли.
Ч. II.

Трупъ спрадалицы наши:
И понынѣ видно мѣсто
Двухъ могилъ межъ липъ гусныхъ,
Тамъ — печальная невѣста,
Рядомъ съ ней — ея женихъ! . . .

СПбГУ

НА РАЗВАЛИНАХЪ

ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КИЕВѢ.

Зачѣмъ превозжитъ сонъ гробовъ ,
Могилъ священное молчанье ,
И повѣряшь бынописанье ,
Спряхая съ камней пыль вѣковъ?
Все та же истина : опть вѣка
Иной намъ опытъ не опкрылъ ,
Мы видимъ крепость Вышнихъ Силъ
И всю ничтожность челоука !
А время ! Кто его соопнетъ ?
Оно до насъ существовало ,
Исчезнемъ мы -- оно сольещъ
Съ своимъ концомъ свое начало ,
Какъ на границѣ гробовомъ
Змѣя согнула кольцо !

СТРАННИКИ.

Два странника приходилъ въ Римъ :
На каждомъ рубище простое,
И каждый голодомъ томимъ,
Изнемогая въ ливнемъ зноѣ.

На перекресткѣ спалъ одинъ
И робко молилъ: ради неба,
Прохожій, будь хрисіанинъ,
Я весь измученъ, я безъ хлѣба!

И взоръ спрадальца выражалъ
Надежду, страхъ и стыдъ и муку,
Но жадно шрепешную руку
Онъ къ подающему проспиралъ.

Какъ будто чуждъ сей шаяжкой доли,
Другой, недвиженъ и угрюмъ,

Споюмъ исполненъ важныхъ думъ,
Возведши взоръ на капишолій. . . .

Лыта вращались чередой
Въ воображеніи князцемъ,
Казалось, зрѣль онъ въ насюющемъ
Завышѣ мнпущаго свлпной;

И какъ во снѣ, вѣковъ пучина
Разверзлась съ шумомъ передъ нимъ,
И Римъ могучій, древній Римъ
Блеснулъ въ порфирѣ власшемлина.

И спранникъ съ жадноснью припалъ
Къ спонамъ священной пѣни Рима. . .
И кто бъ въ пришельцѣ не узналъ
Въ пошѣ мигъ Творца Ерусалима!

ПРОТИВУПОЛОЖНОСТИ.

Люблю тебя: ивой разговоръ,
Раздумья сладостнаго полный,
Игривъ и чистъ, какъ съ кручи горъ
На долъ сканившийся волны;
Твоя краса — весенній вѣвѣтъ,
Ему и хладъ и зной осеней —
И для тебя ивой поленъ лесей,
Какъ для другихъ одинъ развѣтъ!
Твой умъ какъ будто съ чувствомъ въ споръ,
Спросней какъ будто ты чужда, —
Лишь испарокомъ иногда
Огонь зажжется въ томномъ взоръ,
Но какъ падучая звезда
Блещетъ и гаснетъ. . . . И съ побою
Безпеченъ, свѣтелъ я душою
И будто счастливъ Но когда
Твоя соперница предъ нами,

Съ воспочноу роскошью кудрей,
Съ своими жаркими очами,
Съ огнемъ помышельныхъ рѣчей, —
Ты клонишь голову спыдливо,
При ней едва замѣтна пы;
Какъ слабый опблескъ красоты
Роскошной, гордой и ревнивой...
Такъ мѣсяць, свѣшмый гоншь ночей,
Съ зарею вспрѣпясь на разсвѣшь,
Теряешь блескъ своихъ лучей
И унопаешь въ чуждомъ свѣшь!

МЕЛОДИЯ.

I.

Есть чудная арфа, съ колыбели она
До самой могилы играетъ,
Скрыта глубоко, не видна, но слышна,
Игдетъ, никогда не умолкаетъ.

II.

Покоривуютъ струны волшебнымъ пер-
ствамъ ;
На пѣсню пѣснь редко находятъ —
Споютъ лишь про игру и радость — а намъ
Печальную пѣсню заводятъ.

III.

И чаще печальнѣйшій пламенный зовъ , —
И струны слабѣютъ день со дня ,

Заигра не будешь такъ сладоспечь оиъ,
Такъ полонъ и чистъ, какъ сего дня!

IV.

По горе шому, кто со страхомъ инмалъ
Укоромъ звенящя спруны,
Извашъ оиъ душу, какъ шело кинжалъ
И, слабы — гремятъ какъ перуны!..

V.

И въчное горе шому, кто средь муть,
Смѣкая на вѣкъ свои вѣжды,
Услышишь зловѣщій, мучительный звукъ,
Не сладкую пѣсню надежды!

VI.

Сей арфъ еспь имя! о дѣва, приди
Къ любимцу по долгой разлукѣ,
Взыграешъ ша арфа въ дрожащей груди —
Узнаешъ сердечные звуки!

VII.

И слы звукамъ сердца внимли, о пѣвецъ,
Проникни ихъ тайну свящую,
Тогда лишь безсмертье накинеть вѣнецъ
На лру твою вековую!

БЫВАЕТЪ ГРУСТЬ.

Бываетъ грусть неизъяснима,
Она помнитъ и сушитъ грудь —
Та грусть — желанье! имъ палима
Душа не можетъ отдохнуть!
Безперерывно, безпокойно
Шагаютъ слезы мечны
То на пески пустыни знойной,
То на таяющіе льды.
Зачѣмъ? ихъ манитъ призракъ ложный,
Имъ почка видится вдали:
Тамъ — уголь счастья надежный!...
И нѣтъ сей почки на земли!

Ужели нѣтъ? ужель напрасно
Воображенье создаетъ
Кумиръ блестящій, но опасной,
А небо счастья не даетъ?

Кто въ даль, въ безвѣстное, въ чужое
Не распростиеръ надеждъ своихъ,
Но полюбя свое земное
Доволенъ въ пажитляхъ родныхъ,
Въ саду цвѣты съ заботой множитъ,
И, какъ дитя, когда нибудь,
Въ забвеньи сердца въ пашнѣ можетъ,
По розѣ вянущей вздохнуть!

СОНЕТЪ.

Имъ весело; они другъ другу рады,
Средь нихъ лишь я безмолвенъ и унылъ,
И гордо ихъ докучливые взгляды
Молчаніемъ суровымъ опразилъ.

Не въ нихъ некая участь и оиряды:
И я слезу-преданельницу скрываю,
Но мыслю, коннорой кѣтъ преграды,
Я близъ тебя, мой добрый Ангелъ былъ!

О вѣрь, мой другъ, не мысль одну, желалось
И душу всю къ тебѣ перенести,
Чтобъ надъ тобой повсюду раздавалось

Печальное, последнее прости!
Чтобъ и швое мнѣ сердце опозвалось,
И грусть по мнѣ легла въ швоей груди!

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТАНСЫ

Ш. А. Л.

Когда шумлѣшь и блещушь знамена,
Дружина ждетъ начала грозной битвы,
Безмолвіемъ поржешъ свещнымъ полна,
И тайныя свершающія молитвы:
Будь смѣль и пивердь подь знаменемъ креста,
Воспламенень надеждою и славою;
Иди, мой другъ, иди на ширь кровавою!
Мнѣ за тебя порукой — правота!

Впередъ! впередъ! безъ страха и сомнѣнья!
Твой жребій, вѣрь, заранѣе рѣшенъ
И вписанъ онъ рукою Провидѣнья
На хартии таинственной временъ.
При свиснѣ пуль недвиженъ и спокоенъ,
Надъ грудой шѣль и брашій и враговъ,

Не забывай, ты гражданинъ и воинъ,
Ты грудью спалъ за честь и край опцевъ.

Когда жъ падешь поборникъ Магомета,
Покоривъ двуглавному орлу,
Разсѣешь лучъ Евангельскаго свѣта
Невѣрнѣ прельстительную мглу,
Тогда опнишь и съ миромъ и съ любовью
Привѣтливуй ты родимую страну,
Ты ей служилъ опвагою и кровью,
Ты въ ней найдешь въ награду пшину.

КЪ Х. Х. Х.

Везде преследовать готова
Мечна ревнивая тебя,
И будио праздника святова
Съ побою встрѣчи жажду я.
Но сердцу въ нитгоспѣ встрѣча зна
Какъ зной иномисельнаго льна!
На очи мнѣ палаящій взглядъ
Наводнишь ны безъ состраданья,
И при тебѣ одинъ желанья
Въ груди пренеющей кипятъ!
Такъ, ночью львиною, младенца,
Земли роскошной поселенца,
Звѣзда манишь издалека —
По онъ къ ней пьянется напрасно,
Звѣзды зланной, звѣзды прекрасной
Не досягнешь его рука!...

ОТВѢТЪ.

Не говори завидный даръ
И вдохновеніе поэма,
Не вѣчевъ въ немъ священный жаръ,
Имъ грудь не часто разогрѣна!
Какъ много дней цвѣтущихъ огнь
Въ безплодныхъ замыслахъ упранишь,
И рѣдко вдохновенный сонъ
Его созданія освѣтшишь.
Въ міръ необъятный, въ міръ иной
Череслѣтя воображеньемъ,
На міръ существенный, съ презрѣньемъ
Глядишь, какъ жгнешь не земной
И часто грудь его спрощаешь:
Не зная радостей земныхъ,
Огнь ихъ надменно отвергаешь,
А до небесныхъ не доспигъ!...

В Е Ч Е Р Ъ .

Мой другъ! прижмись къ моей груди,
Не убѣгай опть взоровъ упоенныхъ,
И опть ланипъ, любовью распаленныхъ,
Знаиные кудри опшеди!
Смояри: свѣтло пошухаспъ,
По небу темному едва перебѣгаепъ
Спшаниа легкая вечернихъ облаковъ,
И нивъ легла на сканиъ холмовъ
И шихо все... Теряепъ въ наслажденны,
Я чувенивую, а слыну въ ондаленны
Созвучье стройное мiровъ...
По пы недвижна, ты безъ словъ,
Погружена въ унылое мечианье,
Печально взоръ пошупленъ швой,
И подъ рѣсницею гуспой
Слезы примѣтно шрепепанье...
Скажи, мой другъ, воспоминаепъ

Такъ сильно грудь пвою пѣсннхъ,
Или о будущемъ неслное гаданье
Тебя перевознхъ и помнхъ?
О не спрашнхъ! убйспвеннымъ сомнхьямъ
Своей души не предавай,
И, не хладя къ наслажденьямъ,
Въ надежду взры не шерай!
Бышь можешь. (вврьмоя судьбнхъ)
Нашъ день безбурно пробжнхъ,
И такъ же радосно, какъ нынъ,
Нашъ пнхнхъ вечеръ догорнхъ.

СОНЕТЪ.

Свинцовымъ шуманомъ наиснупо море,
Въ дремотѣ безспильной раскинулся валь,
Онъ юношей буйнымъ гулялъ на проспоръ —
Его, какъ младенца, шуманъ вепеленалъ

Подобно шуману безмельное горе,
Когда съ нимъ боролся сирадалецъ успалъ,
Тонъ гордый сирадалецъ, кшо въ медленномъ
Тереньемъ и волей судьбу раздражалъ. споръ

Но въперъ развѣялъ шуманъ темнокрыльй,
Свободна, какъ прежде, воздвиглась волна,
И мърлетъ съ выпромъ опвагу и силы.

Минуешь и горе — но пляжката сна
Слѣды оспаюшея въ дупъ до могилы,
И мысль пропивъ рока воспанъ не сильна!...

ПОРТРЕТЪ.

Когда спройца и свѣтлока
Передо мной спонитъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри шемпоруеы,
Нарядъ небрежный и прешой.
И на груди роскошно бусы
Роскошной зыблющей порой.
Весны и лѣта соченгаше
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И шихій звукъ ея рѣчей
Раждаеиъ шегу и желанше
Въ груди влоскующей моей.

МЕЛОДИЯ.

I.

Не брату копаю могилу,
Не друга землю предаю:
Но чиню възвѣнчить унрашы,
Я душу бы ондалъ мою!

II.

О чемъ же въ груди моей слезы?
О чемъ неунынна печаль?
Мнѣ въ радость унраченной вѣры
Въ жизнь вѣры унраченной жалъ.

За то, что прелестница вѣримъ,
Насъ кара небесная ждетъ.

V.

Насъ оныя встрѣчаютъ какъ жертву,
Но оныя не жрецы, а палачь —
Съ насмѣшкой онъ молчитъ съкару
И щедры молливы и плачь.

Г Е Н И Й.

Лиць зависпливое око ,
Прочь коварные силки !
Я далеко , я высоко ,
Крылы сильны и легки .
Ною мною выперъ споненъ
Въ безиредьльности высонъ —
Чья жъ спирьла мена догонитъ ,
Если полонъ мой поленъ ?
Въ глубь небесную несомый ,
Пусть я вспрѣчу вихрь и громы ,
Я всиучило съ громами въ споръ ,
Ударю грудью въ ищущи .
И сквозь дымъ , сквозь огонь гр. шумчій —
Вновь прорвуся на проспекъ . . .
И въ разсвѣтъ , какъ все въ шуманъ ,
Какъ земля обьяна сномъ , —
Вспрѣчусь я одинъ заранъ
Съ первымъ солнечнымъ лучемъ !

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Когда въ пророческомъ видѣнн
Гляжу нависшвенно я вдаль,
И разсвасешъ вдохновенне
Души забопшвой печаль,
Меня какой-шо призракъ маннн,
Мнѣ слышенъ звучный голосъ музъ.
И я предвнжу: не увнценъ
Скрывденный дружбою союзъ!
Никшо изъ насъ подъ нгомъ рока
Не склонннъ гордаго чела,
И закоснлаго нрока
Ни на кого не мнженъ мгла!
Къ желанннмъ сущннмъ презрнне
Въ душѣ свободной запая,
Свершнмъ мы наше назначенне,
Высокнй подвнгу быннн. —
Какъ спруны арфы сладкогласной,

По вдохновенію пѣвца,
Поюшь и звонко и согласно:
Такъ наши спройщія сердца
Одной мечной руководимы,
Объяны волею одной,
Нѣхъ вышній Духъ сковать незримо
Какой-но цѣпью свяной!...
О вѣрыне, вѣрыне предсказанью, —
Души предчувствіе оно,
Хоня еще, за чудной вѣканью,
Очамъ грядущее шемно,
Но я сомнѣнемъ не разрушу
Надежды радосиной моеи:
Мы сохранимъ въ судьбѣ своей
Для чувствѣвъ высокихъ шу же душу,
И по же сердце для друзей!

ЦВѢТЫ ЛЮБВИ.

Незнакомою дорогой
Шелъ по колкимъ шервамъ я,
Тихо, пусто и убого
Было все вокругъ меня.

Надо мной ходили тучи —
Вдругъ незримая рука,
Съ вышины на шерсть колочий,
Уронила два цвѣпка.

Яркою, упревшей росой
Изъ цвѣповъ блисталаь одишь,
Онъ бы лучшей красопою
Былъ роскошнѣйшихъ долинь,

Если бъ (прелесть неземная,
Онъ въ садахъ Эдема цвѣлъ,

Вѣрно бѣ Ангелъ, жительство рай,
Въ свой вѣнокъ его заплелъ.

Я споллъ — мой взоръ окованъ
Былъ волшебной красотой. —
Что же? долго ль очарованъ
Я и вѣгой и мечной?

Вѣтеръ свистнулъ — и по волѣ
Цвѣтъ ревниво обхвати,
Онъ занесъ въ глухое поле
Сада пыльное днѣ!

Спало грустно, — но въ отраду
Мнѣ оставленъ цвѣтъ другой,
Онъ красою блещетъ взгляду,
Но не упренней красой

Есть глубокая примѣна
Преходящаго на немъ,

Грудь его была согрѣта
Льва знойнаго огнемъ ,

День еще — и онъ завянетъ .
И за утра, съ вышины ,
Перлъ росы безплодно канетъ
На изсохшіе листья !

СПбГУ

МЕЛОДІЯ.

I.

Какъ очи изелкнууть, какъ перси изноуютъ,
Веселые звуки души не наспроуютъ!
Ленишь, змихъ персей не пирогаа, звукъ
Какъ духъ — упышишель надъ бездною мукъ!
Вы жизнь ему дали, по не дали силу
Зажечь своей жизнью живую могилу.

II.

Гдѣ жь тайна искусства? зачѣмъ не во власти
Дать звуку порывъ необузданной страсти,
Чтобъ могъ овладѣть онъ насильно душой,
И, если земной не подаспъ ей опрады,
Пусть грустнаго плѣна разрушитъ преграды,
И душу изпоргнуетъ, влечеть за собой!...

УТОМЛЕНИЕ.

Ищи полно! сердце воли просить!
Прочь, прочь отъ свѣтской суеты!
Усталый спранныкъ переносишь
Во тлунь полей свои мечпы,
Есть наслажденіи въ пустыняхъ,
Душа разгадываетъ ихъ,
Но не влекли онъ дощныи
Переносимыхъ грѣзъ монахъ;
Къ кумиру свѣтскому прикованъ,
Цѣврнымъ блескомъ очарованъ,
Я ждалъ такъ много отъ него
И не дождался ничего!

Просни же, призракъ мой! отыщи
Ты не уловишь сердца вновь,
Души въ таинственной святыни
Иная вспыхнула любовь,
Манящъ меня инья грѣзы

Туда, въ привольные луга,
Гдѣ кроютъ ивы да березы
Прозрачной рѣчки берега,
Гдѣ съ мельницъ быспрыми кругами
Клубишь серебристый водонадъ,
Гдѣ кони ходишь шабунгами,
И снадо дѣви спережаниъ,
Гдѣ вдоль цѣтны благоухаюиъ,
Скользятъ по земли ручьи,
И звучной пѣснью окликаюиъ
Окреститъ другъ друга соловьи. . . . —

Тамъ жизнь роскошно, безъ покрыва,
Предспаненъ въ новомъ цѣтнъ мнѣ,
И ей бытъ можетъ буденъ снова
Опывъ въ сердечной глубинѣ,
И можетъ бытъ въ часы, какъ иныи
Наводишь длинно дерева,
Вновь поэпическихъ видѣнй
Вскружипся въ вихрь голова,
Ч. II.

И благосклонна Сильфида,
Какъ древле дѣва-Лонна,
Разочаруешь струны вновь,
И силой творческой согрѣша,
Въ груди воскреснувшей поэма,
Взыграешь радостная кровь.

И любовью полны очи
Встрѣтитъ мой попухшій взоръ ,

Сердцу душно , сердцу больно ,
Камнемъ на сердце шоска —
И къ очамъ тогда невольно
Подымается рука . . .

Пусть же такъ , какъ волны въ Лепъ .
Охладѣетъ въ сердце кровь ,
Чтобъ забыть я , что на свѣтѣ
Есть и дружба и любовь !

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Въ какомъ недугѣ я поскою ,
Неизяснимо для меня:
Въ раздумьи грустномъ шму починаю
Я предпочель свѣтлу днѣ ,
Какъ все окреснѣ меня утпихнешь
Глубокой ночи посреди ,
Порой мгновенный пламень всныхнениъ
Въ моей встревоженной груди , —
И но , что темной пеленою ,
Еще завѣщено ошь глазъ ,
Такъ ярко свѣтнннѣ предо мною ,
Пока сей пламень не погасъ ,
И мишился мнѣ , предъ книгой рока
Въ священномъ снрахъ я спюю ,
Или внемлю изъ успнѣ Пророка
Судьбу грядущую мою.

Ф И Р Д У С И.

Любимый гордымъ власпслиномъ,
Въ садахъ гарема ходишь онъ,
Одеждой пышной облаченъ,
Въ чалмъ, увянчанной рубиномъ.
Къ его называмъ клонились слухъ
Славолюбивый повелнцель,
Гдѣ онъ, намъ радостнѣе вдругъ
Гарема грустная обнцель!...

Но день величя бѣжишь,
Какъ день печальнаго забвеня. —
Пѣвецъ! пѣвецъ! и пы забннть
И носишь нго посрамленя!
Пески, пуспыни исходивъ,
Влечешь пы дни свои какъ цѣпи,
И, какъ безжизненные снѣпи,
Ты спалъ и днкъ и молчаливъ.

Ты жаждалъ смерти — и рыдая
Твой хладный пруть обнялъ опецъ,
Но усладила ль пвой конецъ
Слеза участія родная? . .
Скажи, пѣвецъ, что слава? — «Дымъ!»
Людей мудрецъ холодный училъ —
Ахъ, певецъ! кто славой былъ поминъ,
Безъ славы жизнию наскучилъ!

СОНЕТЪ.

Не по тому шомпсельнымъ видньсьмъ,
Во снахъ неонхъ блуждаень образъ мой,
Чино можешь бынь, съ носкою и волчьсьмъ
Ты обо мнѣ подумаешь порой,

Но онь много чино часно съ напряженьсьмъ,
Въ вояи бѣзъ сна, къ всѣмъ спремность мячной,
И увлечень я весь воображеньсьмъ
И съ сномъ явонимъ сливаюся душой.

Просни меня! Несвольной, неизбежной,
И предаюсь мечнѣ моей вполнѣ,
Я бы хоньль, чинобъ призракъ мой мящекной

Не говорилъ о милой снарнѣ; —
Но ны проснишь: не ны ль сама шакъ пѣжно
Объ энихъ снахъ разсказывала мнѣ!...

ЖРЕБИЙ.

Къ чему печальное сомнѣнье?
Загадка жизни рѣшена.
Мнѣ указало Провидѣнье,
Какая участь мнѣ дана!
Любви и славы и свободы
Люблю панциственный призывъ,
И для меня языкъ природы
Обиленъ и краснорѣчивъ! . . .
Пусть пѣснь моя течетъ свободно,
Она оштрафуетъ и умретъ. . .
Но пѣснь другая оживетъ
Въ душѣ поэза благородной!
Когда жъ пройдетъ мой свѣтлый вѣкъ,
Когда угасну въ цвѣтѣ, въ силѣ:
Пусть скажутъ на моей могилѣ:
Онъ былъ поэтъ и человекъ!

ТОМИМЫЙ СТРАСТЬЮ БЕЗНАДЕЖНОЙ.

Томимый спраспью безнадежной
Торквантiо пьль намъ про любовь,
Такъ обольщипельно, такъ пьжно, —
Но какъ въ пьвцѣ пылаа кровь,
Когда поскующій, безсонный,
Подъ пьльню почи благосклящюй,
Онъ душой монной созидаль
Армиду, садъ очарованій,
И пьгу пламенныхъ лобзаній
Въ своихъ спихахъ передаваль...
Какъ сильно грудь его пьвещло!
Какъ онъ спрадалъ тогда! — Не разъ
Перо въ рукахъ его скользлю,
И слезы падали пзь глазъ,
Онъ понималь свою упрату,
Но въ немъ не гаснуль спраспи жарь:
И какъ былъ скудень пьсень даръ
Ему за гореспи въ улашу! ...

Какъ онъ , любовь мою шая ,
Веду безплодный вѣкъ уныло ,
Но не совсѣмъ несчастливъ я ,
Когда встрѣчаю образъ милой !
Къ ней помнымъ взоромъ обращень ,
Раздумью тихому я предаю ,
И мыслю: этакъ сладкій сонъ
Мнѣ бытъ не можеть заповѣдъ !
Но если смѣлою рукой ,
Тонко , кно спяжалъ надъ нею право ,
Ее ласкаетъ предо мной
И улыбается лукаво ,
Тогда кровавою враждой ,
Какъ спала книжала , очи блещуть ,
Иль смущно взоръ пошупленъ мой
И слезы тихія пренецунтъ ,
И въ этакъ мигъ гонювъ я вдаль ,
Гонювъ на вѣчную разлуку :
Не то — любовь мою и муку
Изобличить моя печаль !

РАЗЛИВЪ ДНѢПРА.

Блвспашелень, роскошенъ и могучь
Весною Днѣбрь; съ песчанисаго ложа
Всплвсень, и волнъ обиліе умножа
Пониоками надуцими изъ шучь,
Онъ пввшнъ грудь, бѣжннъ какъ испуленннй,
И на лугахъ ложннся упоменннй. . . —

Былъ древле вождь, доснойннй слезъ и
спрунъ,
Нашъ Святославъ, нашъ богъ на полъ брани,
Сосѣда бнчъ, неодолимъ и сонъ,
Съ него онъ бралъ насильственннй данн. —
Таковъ и Днѣбрь — онъ селы, роци рвенъ
И на хребнхъ поржеспвенно несепъ.

Когда жъ въ поляхъ дохнушь тепло и нѣга
Какъ небосклонъ безоблаченъ и живъ,

Тогда Днѣпра блистательный разливъ
Дрожитъ какъ грудь усналаго онъ бѣга,
И въ небеса лазурныя влюбленъ
Онъ силился обнять весь небосклонъ.

СПбГУ

МЕЛОДІЯ.

(М. В. ЮЗЕФОВИЧУ.)

Мѣсяцъ! другъ моихъ ночей,
Томный блескъ швоихъ лучей
Для чего разсыпалъ пы
На могилы и кресты?
Пусть, чернѣ враньихъ крыль,
Въспитъ мгла окреститъ могилъ,
Чтобъ унылый видъ гробовъ,
Въ часъ какъ бодрешуешь любовь,
Не навелъ печальныхъ думъ
Двумъ любовникамъ на умъ!
Чтобы въ часъ, какъ, спражъ нвмой,
Льешь пы зыбкій пламень свой
На влюбленную челу —
Сквозь ночную темноту
Не блеснулъ ея очамъ
Лучъ бродящій по крестамъ,

И креста нѣмой глаголь
Мысли грустной не навелъ,
Что забвенъ сонъ пройденъ,
Что поухнешь въ свой чередъ.
Сихъ живыхъ очей чета,
Что умрутъ сіи уста,
На конорыхъ сей же часъ
Поцѣлуй горька и гасъ,
Что и въ сердцѣ, гдѣ одинъ
Милый образъ власпелннъ,
Власпеллинамъ наконецъ
Будешь червь — гробовъ жилецъ!...

Мѣсяць, мѣсяць ошь гробовъ
Скройся въ сумракъ облаковъ,
Пусть во мглѣ споятъ кресны!
Но, любви свѣщило, ты
Полнымъ блескомъ озари
Ложа — нѣги алтари...
О! будь я швоимъ лучемъ,

Яркій въ сумракѣ ночномъ ,
Я бѣ роскошно съ высоты
Палъ на ложе красоты ,
По ланитамъ , по плечамъ ,
По раскинутымъ власамъ ,
Долго , долго бѣ я блуждалъ ,
На ухахъ ея дрожать ,
И развѣша въ грустный часъ
На груди бѣ ея угасъ!

ОТВЕРЖЕНІЕ.

Обипель мира и святыни,
Была душа моя свинья,
Пока любовь, какъ вихрь пуспыни,
Ее грозой не попрясла.

Гроза минула, я печалень
Гляжу рушишельницъ вельдъ,
И озарилъ гряду развалинъ
Воспомнанья меривый свѣтъ.

Свершилось! хладомъ отверженья
Я подавлю мои мечпы, —
Я самъ увидише цвѣтны
Накину савапомъ забвенья...

Такъ съ чувствомъ скорби и любви
Мы шло друга провожаемъ,
И съ труднымъ мужесивомъ бросаемъ
На милый пепель горещь земли!...

Ж Е Л А Н І Е.

Мнѣ Богъ послалъ ее въ опраду,
Я къ ней младенчески привыкъ,
И противъ горесней ограду
Нашелъ я въ жизни — но на мигъ!
Теперь и мрачно и уныло
Печальный взоръ ее слѣдитъ:
Такъ умирающій глядитъ
На заходящее свѣтло.
Надежда гаснетъ, грудь моя
Утомлена сердечной битвой,
И каждый день встречаю я
Одной, послѣднею молитвой:
Чтобъ спасши пламенной, живой,
Хоть искра въ грудь ея занала,
Чтобы влюбленною душой,
Она въ мечтахъ изнемогала,

Но другъ невѣрный не спѣшилъ
Къ ней на свиданье, въ день условной,
И за любовь ея плапиль
Одной измѣной хладнокровной!

СПбГУ

ПОЭТУ.

Не смѣй себя именовать Поэтомъ,
Не призывай благословеній музъ,
Пока еще ты очарованъ свѣтомъ,
Пока съ людьми не прерванъ пивой союзъ;
Хвалюю пухъ и десницею избалованъ,
Ты дни имъ посвящай песни,
И рабъ чуждыхъ спрашивай приговорно ты поешь,
И чуждой прихотью пивой смѣлый умъ окованъ.
Но если харпюю святую быпѣя
Ты развернулъ безпрелестной рукою,
И не прельщенъ корыстною и молвою,
Намъ высказать весь манисива ея,
Когда пвое испытанное око
Природы грудь проникнуло глубоко,
И отдѣливъ себя волшебною чертой,
Ты спалъ посредникомъ межъ нею и полпой.

Тогда молись богамъ! Иди на подвигъ славной,
Испоргни говоръ спрунь рукой самодержавной,
И вѣрь, пвой каждый звукъ могуществомъ своимъ
Какъ солнца жаркій лучъ земль необходимъ!

СПбГУ

С О Н Е Т Ъ.

(Ю. И. ПОЗИАНСКОМУ НА ПЕРЕВОДЪ СОНЕТА:
DO LAURY).

Любовь онъ пѣлъ печально вдохновенный,
И чуждыхъ словъ не понять и вспомнѣть,
И только былъ нагѣвъ иноплемениный,
Какъ томный взоръ, какъ вздохъ попященъ мнѣ.

Но ны постигъ душою умленной,
Чю звуковъ пѣхъ нанлось въ глубинѣ,
И скорбь души, спраданьемъ упомянутой,
Опозвалась и на пивсей струнѣ.

И я внемлю попящому мнѣ звуку,
Какъ бы внималъ спрадальцу самому,
И я бѣ хощѣлъ съ учащемъ брапа руку,

При встрѣчѣ съ нимъ хопъ разъ пожапъ
ему, —

Мнѣ шопъ не чуждъ, кшо зналъ любовь и муку
И кшо ихъ пѣлъ по сердцу моему.

СПбГУ

ПЕРВЫЯ СЛЕЗЫ.

Пламенѣла и блиспала
Міроздавнїя весна,
Землю юную ласкала
Дней безбурныхъ шпшна.

Свнцнымъ сонмомъ, звучнымъ хоромъ
Звзды яркія несли,
И безплоныя соборомъ
Облечали кругъ земли.

Всюду жизнь и ликованья!
Звучитъ плескъ морей и рвкъ —
Но одишь среди созданья
Такъ и грустнеть человекъ!

Съ ихъ музыкой звонкой, спройной,
Гимна слышь не смѣеть ошь,
Ошь въ минувшемъ безпокойной
Думой грустншо погружень.

Все въ мечтахъ возобновилось:
Утро жизни, грѣхъ и казнь;
Сердце гореснино спѣсилось,
Въ сердцѣ шаякая боязнь!

«Все погнбло, нѣтъ спасенья!
«Неизбвженъ вѣчный сонъ!»
Вдругъ обшповъ искупленья
Озарился мыслью онъ,

Эта мысль, какъ лучъ средь ночи,
Блескъ дала его очамъ,
Онъ возвелъ невольно очи
Благодарный къ небесамъ,

И, какъ въ опблескѣ денницы,
Божья свѣпшая роса,
Тихо канула съ рѣсницы
Умиленья слеза...

Слезъ врачующую силу
Праопецъ благословилъ,

И въ возмездье за могилу
Внука плакань научилъ!

Съ той поры, когда украдкой
Слезы льюлися въ пишинь,
Такъ онъ нихъ легко и сладко
Такъ врачуютъ грусь онъ!...

А. М. М. — ОЙ.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ ПОВѢСТИ ДИВЪ И ПЕРИ)

Вашъ слухъ гармоніей извѣженъ,
Къ текущимъ течениямъ онъ привыкъ,
Но просить, невзвученъ и небреженъ
Мой безъискусственный языкъ;
Не соберешь народныхъ дапей,
Какъ пѣсьню пошловъ, пѣсьню мою,
Молва и шумъ рукоплесканій
Минуть какъ чуждаго меня, —
Но если звукъ душъ послушный
Въ моемъ стихѣ найдете вы,
Что голосъ лепни равнодушный
И лепень вытрянной молвы. . . .

Н О Ч Ь.

Ночь; ни мѣсяца, ни звѣздъ
Ивытъ на цѣломъ небосклонѣ,
Будно саванъ, мгла окресишь
На земномъ простерлась лонѣ.
Эпо часъ, какъ воили совы
Выкликають меривецевъ;
Онверзаются моллы,
Твни блѣдныя всизають,
Ихъ пріемлютъ вращи крилы
И къ преданеламъ песунъ,
Чшобъ злодѣевъ и во спѣ
Впайнѣ мучили онѣ.
Эпо часъ какъ бурной шучей
Въ молнияхъ всепся гнѣвный Торъ,
Или Сильфъ звѣздой падучей
Пробѣжишь по скапу горъ, —
Съмя сновъ, онъ на долины
Сыплеть жаркіе рубины —

Зрѣшь вмигъ его посѣвъ,
Сны вспаюшь съ земнаго лона
И въчаснѣ спящихъ дѣвъ
Ихъ воздушная корона.
Это часъ, какъ на хребтѣ
Скалъ, гдѣ вѣченъ снѣгъ нагорный
Сходящъ царевенныя Норны
На торжественный совѣтъ,
Гласъ ихъ въ споръ войдетъ съ громами,
Очи ихъ мрачнѣ мглы,
И дрожатъ подъ ихъ спинами
Неприсутныя скалы...

ЛЮБОВЬ ПОТУХЛА. . . .

Любовь поухла; грудь поскуешь
Въ душѣ, какъ прежде пустоша,
За шо ее не очаруеть
Любви ничпожкая мечта.
Какимъ-то пламеннымъ безумьемъ
Я былъ внаильно увлеченъ —
Недугъ нечувствую — и раздумьемъ
Холодный умъ оцѣпененъ.
Преданъся суешной надеждѣ
Я слабымъ сердцемъ не хочу,
За равнодушіе, какъ прежде,
Я равнодушіемъ плачу!

СМЕРТЬ НА ЧУЖБИНѢ.

Кого положили пунѣ въ землю сырую?
Надъ кѣмъ эти вѣшви связали крестомъ?
Жилъ пунѣ не видно, могила другую
Очами далеко не встрѣпишь кругомъ.
Здѣсь умеръ прохожій, не здѣшняго края
Двойной онъ окончилъ печально пунѣ,
Ни кино не заплакалъ, но всемъ намъ родная
Земля и пришельцу отверзнула грудь.

Давно позабыли о бѣдномъ чужіе,
Межъ нѣмъ, какъ далеко, въ предѣлѣ шномъ,
Бышь можешь подруга, друзья и родные
Ждутъ мнлаго гостя, ждутъ вѣсни о немъ—
Узнаютъ когда-то — и слезы польются,
Но къ милому пещу слеза не прильнетъ,
Къ могилѣ ихъ вздохи по вѣпру пошлются,
Но вѣпръ охладитъ ихъ, пока донесетъ.

Пусть спитъ одинокій! ему на чужбинѣ
Сонъ не былъ бы миренъ среди общихъ гробовъ,
Гдѣ сестры о братья, гдѣ матери о сыны,
Гдѣ плачутся дѣти надъ прахомъ отцовъ.
Къ могилѣ жъ пустынной семьею цвѣтущей
Фіалки шествуютъ подъ пѣнью вѣнковой,
И райскую пѣсню о жизни грядущей
Надъ нею чинно вечеръ поетъ соловей.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Что въ сиромъ бору опгь солнышка
Сивгь званой росой разсыпался,
Молоденцкая кручинушка
Разлилась слезами солнышка;
Въ зимній холодъ любо солнышко,
На чужихъ людяхъ родной павъ,
Но неволь сердце величается,
Такъ съ роживымъ сиропинушкой,
Песня русская, унылая,
Что родная мать переживаетъ,
Задумчивой не наступивъся!
Словно шпашка, что въ раю посптъ,
Заунывно сладкимъ голосомъ,
Грусьи-шооку она баюкаетъ;
Не видать сквозъ слезъ чужой земли,
А что думушка ль сердечная,
Понесеня невидимкою,

Ч. П.

11

За синё море въ свящую Русь! . . .
По былому по старинному
Добрый молодецъ въ родной земль,
Въ ноги палъ опцу и машери,
Съ свтарымъ другомъ поздоровался,
А что дѣвица - красавица
Въ шороняхъ бѣжитъ изъ перема,
Заруманившись какъ маковъ цвѣтъ .
Радоснѣ высказанъ и слова пѣтъ,
Только съ милымъ обнимася,
Да сквозь слезы улыбаенся.

О Д Е С С А.

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА, ДАННАГО ОДЕССКОМУ
ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ А. И. ЛЕВШИНУ.

Отъ семьи родной далеко,
Гдѣ глухая снѣнь легла,
Мать Россія одинока
Дочь меньшую родила.

И среди втройной вусыльни
Моря, неба и снѣмей,
Славно сказочной дышнѣ,
Цвѣснѣ и жинѣ доставлось ей.

Кпо же юную мѣлбѣснѣ?
Не опѣ солнца ль Юга шамѣ
И раскѣснѣ она и зрѣснѣ
Не по днямѣ, а по часамѣ?

Нѣснѣ! не южное свѣснѣло,
Но какѣ старшнѣхъ брѣснѣвѣ вѣспарѣ,

Дочь полудня обвиню
Солнце Севера вить Царь!

Онъ любви своей лучами
Молодую обвинялъ,
Онъ взысканныхъ врудми
Добрыхъ ввещуновъ ей далъ.

И онъ ввещуновъ ввещуновъ
Молодую обвинялъ,
И онъ ввещуновъ ввещуновъ
Сонъ ввещуновъ ввещуновъ.

Куря собой обвиняла,
Морской есени жизнь дала,
Морской есени ввещуновъ
Надвеща привлекла.

И онъ запада на бранешво
Приняла она залогъ,
И дая свое богатство,
Поклонился ей Воспокъ.

Иноземкою красивой
Нарядилася она,
Но въ груди молодой, сибирской
Чувству родины верна.

И полна благоговеньемъ
Къ покровителямъ своимъ,
Предлагаетъ съ увлеченьемъ
Свой заправный кубокъ имъ.

ВОЛШЕВНИЦА.

Цвѣтешъ она розой, лепшиѣ мотылькомъ, —
Въ дубровахъ, въ долинахъ носитъ соловьемъ, —
Могучей виной колеблеть границъ,
И брызгами въ пронасъ съ утѣса лепшиѣ.
Изъ свовъ разливаетъ блестящую цѣпь,
Дыханьемъ волнуетъ нечеловѣческую снѣдь,
Сливаетъ свой голосъ съ пашьвомъ духовъ,
И радугой блещетъ въ дыму облаковъ,
Надъ бездною воздушныи черниогъ создаетъ,
Къ поцѣгу прохожихъ лукаво зоветь,
Когда жъ легковѣрный приближился къ ней.
Обмануный блескомъ неврныхъ лучей,
Волшебница пронасъ разверзнетъ желомъ
И съ хохотомъ коненъ въ шумѣ почвомъ!..

МЕЛОДІЯ.

I.

Ночи ризою обвинишь,
Духъ невидимый парнишь,
Но незримаго владыки
Море чудесь перелесь,
И привѣщивающъ музыкой
Духа бури духи воль.

II.

Духъ! возьми меня съ собой!
Какъ ни скованъ я съ землей,
Но сорвешь ты эти цѣпи —
Ты же валяшь боръ къ снопамъ
И по прихвонн полесени
Мечешь пылью къ небесамъ!

III.

О куда бѣ ты ни лентявъ,
Въ дружный, въ чуждый ли предѣвъ,

Обхвати меня крылами,
Молний блескомъ окружи,
И победными громами
Волны сердца заглуши!

IV.

Брось въ кипящую спирюю
Душу мерзвую мою,
Душа будь, а воля — достойная
Сиди се въ громахъ,
Дай ей пламень скрасити знойной,
Нль сожги въ своихъ лучахъ!

Ж И З Н Ь.

Наперсница созданія Шекспира
Симфонія къ волшебству клонитъ умъ,
И за рубежъ существеннаго міра
Тебя влечень зарань звуковъ шумъ.
Тѣнишься грудь, свое дыханье знойно
Чего но ждешь ревниво, безпокойно...
Вдругъ завязься вренещень и ленить
И чудный міръ порожественно открывитъ!

У береговъ шума валь играють,
Вдоль спеленел волнистая права,
Тамъ свѣжихъ розъ кусцы благоухають,
Прохладою памъ вьюнть дерева,
И за моремъ въ сіяніи заката
Съ волнами слынть прозрачный небосклонъ...
Искусства жизнь стройна, полна, богата
И мертвый міръ въ живой преображень.

Вопль и она, созданія корона,
Вопль во плоти Шекспирова мечпа —
Офелія, Миранда, Дездемона
Изъ царства думъ живая красота;
Въ ея ухахъ шумящія звуки
Ты предаешь невольно душу ей,
Въ шею князя ея воспоргъ и муки,
И не живешь ты жизнью своей.

Вокругъ нее любви ли вынеся грезы.
Съ ней пламень ны въ стремительномъ огнь,
Въ очахъ блеснутъ ошаченія слезы —
Ты чувствуешь, какъ сердце жгутъ онъ...
Но если вдругъ Офелія - Данса
Кому нибудь условный бросишь взглядъ,
И ны поймешь, что очя говорятъ,
Кумиръ разбишь, передъ шобой — Акцриса!

И гибнеть все съ основою мечпы,
Какъ молнія и жжеть и разрушаетъ

Развраща взглядъ личину чистоты,
И голось чувствъ припворныхъ оскорблешь!
Взволнують грудь досада, злосць и грусь,
Твоей души учаснье заглушають,
Когда усна нечисныя чптають
Воспоргъ, любовь и муки паузуснь...

И гдѣ же мѣръ волшебствами обильный?
Гдѣ зношь мѣръ божесивенно-живой?
Онъ въ рядъ кулисъ безжизненный и пыльный
Преобращень блѣднѣнь предъ шобой!
И руша самъ въ конецъ очарованье,
Чтобы души упрану облегчнь,
Ты смилнься художника создашь
Насмѣшкою холодною убннь!

СТАНСЫ.

Црюю шижкой дурь прозрѣнья
Избранникъ Божій покупаль,
Тогда онъ крѣпоснью шернѣлъ
Силь челоуька выше сналъ.

Алассныи оборуъ дидима
Виднакѣ иловинъ шажето:
Норъ неи вьнець, молюе подримый.
Торкаешъ шернѣмъ челоу.

Црюю подобенъ и пророку
Высокимъ жребіемъ ивещъ,
На немъ горннѣ подримый оку
Въ лучахъ и шернѣяхъ вьнець.

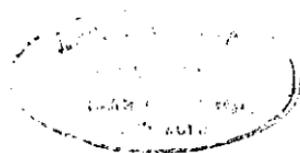
Его душа иомась и ноя,
Волненья вѣчнаго полна,
Другимъ привычнаго покоя
Почти не вѣдаешъ она.

И часто скрышшой, знойной муки
Через мѣру льется полноша,
Когда въ душѣ пѣвнялся звукъ,
А вторилъ помощны усна. . .

Но этихъ нягоспныхъ мгновений
Да молитвъ мой усерднѣй спихъ:
Залогъ тридунныхъ вдохновеній
Бынь можешь вняннѣ зрѣннѣ въ ихъ.

Смуценныхъ чувствъ минуешь прененнѣ,
Слова какъ волны хлынуешь вдругъ:
И буденнѣ шо не данскій дененнѣ,
Но возмужатый, спройный звукъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЧАСТИ.

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	<i>Стран.</i>
Дивъ и Шери	1.
Борскій	47.
Пищій	133.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Девичь - гора	1.
Отчужденный	21.
Предвизаніе	39.
Гурія	51.
Дума	61.
Сиротка	75.
Поэзія и жизнь	87.
Невѣста	95.
На развалинахъ Деслянской церкви	99.
Спрашки	100.
Противуположности	102.
Мелодія	104.
Бывашь грусть	107.
Сонетъ	110.
Прощальные Спансы	111.
Къ X. X. X.	113.
Отвѣтъ	114.
Всечеръ	115.
Сонетъ	117.
Портретъ	118.
Мелодія	119.

II

Геній	121.
Петербургскимъ товарищамъ	122.
Цвѣты любви	124.
Мелодія	127.
Упоминаніе	128.
Безнадежность	131.
Предупреженіе	135.
Фирдуси	137.
Сонетъ	136.
Жребій	137.
Голымъи спрашеною безнадежною	138.
Разныя дѣтари	130.
Мелодія	142.
Отверженіе	145.
Желаніе	146.
Полну	148.
Сонетъ	130.
Первыя слезы	152.
А. М. М. — ой.	155.
Ночь	156.
Любовь потухла	158.
Смерть на чужбинѣ	159.
Русская пѣсня	161.
Одесса	165.
Волшебница	167.
Мелодія	168.
Жизнь	170.
Эпиграмы	175.

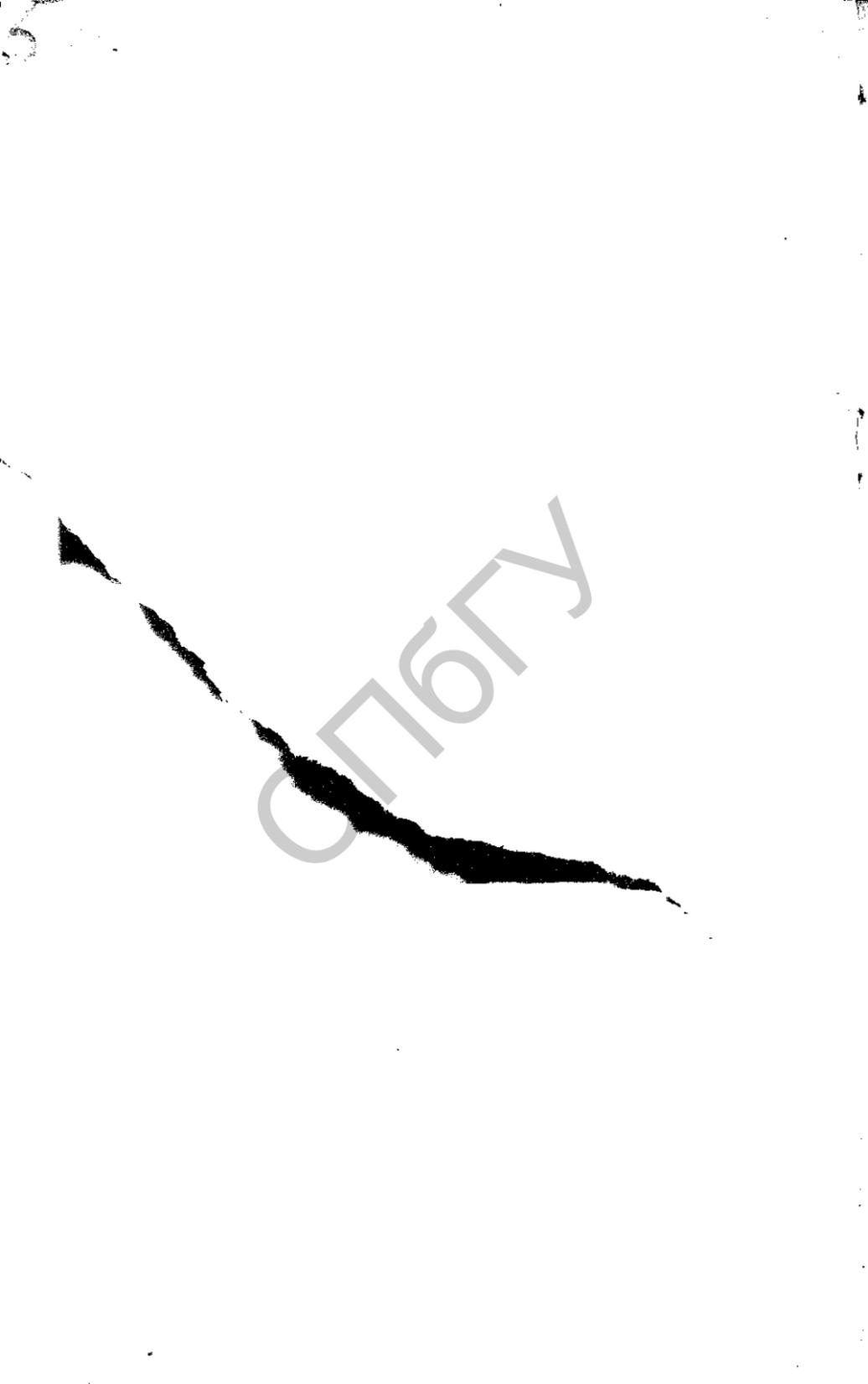

L 1/8311

Hydrochloric

STROY

СП6Гу

СП6ГУ

